О древнейшем этапе индоевропейской истории

Александр Козинцев

С разрешения автора публикуем тезисы его доклада на предстоящей конференции в Томске.

Читайте также ниже в разделе «Мнения экспертов» комментарий проф. Л.С.Клейна

и дискуссию на сайте Academia.edu

Выводы генетиков о решающей роли «ямного» вклада в формирование европейского генофонда в III тыс. до н.э. [Haak et al, 2015; Allentoft et al., 2015] – весомое подтверждение теории степной прародины индоевропейцев. Правда, ни краниологические, ни археологические данные не свидетельствуют о массовой миграции людей ямной КИО на запад. Возможно, имела место лишь демографическая диффузия. Автохтонность ямного населения была уже доказана антропологами (см., например: [Козинцев, 2013]). Генетическая преемственность между носителями хвалынской и ямной культур и отсутствие каких-либо генетических указаний на миграцию в степь с запада [Haak et al., 2015; Mathieson et al., 2015] подтверждают наш вывод.

Однако события III тыс. до н.э. не относятся к начальному этапу индоевропейской истории, который отражен в лингвистических данных, а именно, в признаваемой большинством лингвистов максимальной древности анатолийской ветви в пределах индоевропейской семьи. Согласно одной из самых авторитетных глоттохронологических схем, эта ветвь обособилась в V тыс. до н.э. [Старостин С.А., цит. по: Blažek, 2005]. Как примирить этот факт с автохтонностью степного населения? Одна из возможностей – постулировать миграцию носителей новоданиловской (скелянской) культуры из степей на юг вдоль западного берега Черного моря во 2-ой половине V тыс. до н.э. и связать ее с распространением анатолийских языков [Anthony, Ringe, 2015; см. также: Дергачев, 2007]. Но даже если эта миграция действительно была направлена от хвалынского ареала к трипольскому, а не в обратную сторону, как считают оппоненты [Манзура, 2000], то в любом случае этот маршрут не прослеживается южнее Варны.

Другая возможность – исследовать восточный (кавказский) путь. Мысль о протоиндоевропейской принадлежности носителей майкопской культуры [Kristiansen, 2012] перестает казаться странной в свете данных о присутствии в генофонде носителей хвалынской и ямной культур значительного закавказского компонента, несходного с тем, который был принесен ранними земледельцами из Анатолии на Балканы и распространился вплоть до северной Европы [Mathieson et al., 2015; Jones et al., 2015], а также в свете археологических данных о «степном майкопе».

С учетом новых датировок особенного внимания заслуживают связи предмайкопских памятников Закубанья конца V – начала IV тыс. до н.э. с хвалынскими, среднестоговскими и скелянскими, ведь именно в эту эпоху, а не в майкопскую, предположительно обособилась анатолийская ветвь. Особенно важен памятник с детальной стратиграфией – Мешоко, где прослежено постепенное и технологически противоестественное изменение керамики от высококачественной тонкостенной, видимо, свидетельствующей о миграции с юга еще в предмайкопское время, ко все более грубой с накольчато-жемчужным орнаментом [Резепкин, 2005 и наши неопубликованные данные]. В средних слоях Мешоко найдено несколько фрагментов керамики с примесью ракушки. Она украшена оттисками зубчатого штампа, реже жемчужинами. Исследователи Триполья знают ее как тип «Кукутень С» [Schmidt, 1932. S. 42; Палагута, 1998]. Появляется она на этапе среднего Триполья (BI) и столь же чужеродна на трипольском фоне, как и на предмайкопском. Ее появление связывают со скелянской культурой [Манзура, 2000], атрибутом которой являются каменные зооморфные скипетры, иногда рассматриваемые в качестве маркеров ранней миграции индоевропейцев из степей на запад [Дергачев, 2007. С. 146-148; Anthony, Ringe, 2015]. Один из таких скипетров найден на предмайкопском поселении Ясеневая Поляна [Кореневский, 2008]. У степного населения, возможно, заимствован и накольчато-жемчужный орнамент.

Постепенная деградация керамического производства в Мешоко при том, что кремневая индустрия на позднем этапе, наоборот, переживает некий Ренессанс, свидетельствует о встрече двух резко различных культурных традиций [Столяр, 1963]. И хотя южная традиция, судя по археологическим данным, была вытеснена северной, в языковом плане могло иметь место обратное. Допустив заимствование индоевропейской речи автохтонами степей у мигрантов с юга и смешение между ними, мы сблизим археологические данные с генетическими и лингвистическими. Тогда время дивергенции анатолийских и прочих индоевропейских языков совпадет со временем первой миграции с Ближнего Востока на Северный Кавказ.

Теория центральноевропейской прародины индоевропейцев противоречит генетическим данным о резком отличии степного населения от подавляющего большинства изученных групп зарубежной Европы эпох неолита и ранней бронзы [Haak et al., 2015]. Это относится и к носителям культуры воронковидных кубков (КВК), которых иногда считают ранними индоевропейцами. Противопоставленность степных групп центральноевропейским выявлена и по краниометрическим данным [Казарницкий, 2011; Козинцев, 2013]. Степные параллели серии КВК из Осторфа [Козинцев, 2013] заслуживают внимания, но они пока единичны.

Дергачев В.А. О скипетрах, о лошадях, о войне. СПб, 2007.

Казарницкий А.А. Население эпохи бронзы в степях северо-западного Прикаспия // Зап. Ин-та истории мат. культуры РАН. 2011. № 6. С. 133-142.

Козинцев А.Г. Краниометрия населения южнорусских и украинских степей (в связи с индоевропейской проблемой) // Междунар. науч. конфер. «Население юга России с древнейших времен до наших дней». Ростов-на-Дону, 2013. С. 34-36.

Кореневский С.Н. Поселение энеолитической эпохи Предкавказья, Ясенева Поляна и культура накольчатой жемчужной керамики Предкавказья // Пробл. истории, филологии, культуры. Вып. 21. Москва – Магнитогорск – Новосибирск, 2008. С. 112-149.

Манзура И.В. Владеющие скипетрами // Stratum Plus. 2000. № 2. С. 237-295.

Палагута И.В. К проблеме связей Триполья-Кукутени с культурами энеолита степной зоны Северного Причерноморья // Росс. археология. 1998. № 1. С. 5-14.

Резепкин А.Д. Энеолитическое поселение Мешоко // Мат. и исслед. по археол. Кубани. Вып. 5. Краснодар, 2005. С. 73-93.

Столяр А.Д. Поселение Мешоко и проблема двух культур кубанского энеолита // Тез. докл. научн. сессии, посвящ. итогам работы Гос. Эрмитажа за 1963 г. Л., 1964. С. 31-32.

Allentoft M.E., Sikora M., Sjogren K.-G. et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. Vol. 522. P. 167-172.

Anthony D.W., Ringe D. The Indo-European homeland from linguistic and archaeological perspectives // Annual Review of Linguistics. 2015. Vol. 1. P. 199-219.

Blažek V. On the internal classification of Indo-European languages: survey // Linguistica Online. 2005. URL: http://www.phil.muni.cz/linguistica/art/blazek/bla-003.pdf (дата обращения – 27.03.2016).

Haak W., Lazaridis I., Patterson N. et al. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe // Nature. 2015. Vol. 522. P. 207-211.

Jones E.R., Gonzalez-Fortes G., Connell S. et al. Upper Palaeolithic genomes reveal deep roots of modern Eurasians // Nature Communications. 2015. N 6: 8912.

Kristiansen K. The Bronze Age expansion of the Indo-European languages // The Transformation of Third Millennium Northern and Western Europe / Eds. Prescott C, Glørstad H. Oxford: Oxbow Books, 2012. P. 165-181.

Mathieson I., Lazaridis I., Rohland N. et al. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians // Nature. 2015. Vol. 528. P. 499-503.

Schmidt H. Cucuteni in der oberen Moldau, Rumänien. Berlin und Leipzig: de Gruyter, 1932.